

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 615.851

ТАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В МЕЛОЛИЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

(Статья первая)

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Рассматривается тактическая реализация коммуникативных стратегий в мелодийной психотерапии. Автор приходит к выводу, что применение в мелодийной интеракции техники «суммарное отражение чувств» способно связывать воедино выраженные ранее в различных проявлениях (высказываниях) чувства адресата в виде какой-либо фреймо-образующей практики.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, мелодийная психотерапия, интеракция, тактика, адресат.

Владеющий чарами песен

Владеет душою любой.

Генрик Ибсен

*Посоветуй всем проповедникам,
чтобы слово проповедническое
клеилось с делами проповедника.*

А.П. Чехов

Предложенная в [12–15; 18; 20–22; 2–27] модель функционирования мелодийного дискурсивного комплекса (мелодийного дискурсивного композита) как жанровой разновидности нравственно-духовной проповеди может рассматриваться в качестве эмоционально-прагматической и духовной базы (основы) психотерапевтического коммуникативного взаимодействия между отправителем медийно-информационного мелодийного дискурса (послания) и (массовым) адресатом. Описание многоуровневой организации модели и её функциональной специфики выявило общие принципы программной реализации модели эффективного взаимодействия, которые могут способствовать формированию и раскрытию базовых коммуникативных стратегий психотерапевтической мелодийной интеракции [22, с. 29-52].

В общем виде *стратегия* представляет собой совокупность поведенческих актов участников в конкретной ситуации психотерапевтической интеракции в виде мелодийного дискурсивного образования, разделенных во времени и пространстве и направленных

на создание результативного эффекта (или определенного образа) в глазах окружающих, а *тактика* есть определенный прием, с помощью которого реализуется выбранная стратегия (о соотношении понятий стратегия и тактика см.: [9, с. 56; 19, с. 103 – 114; 28, с. 69]).

При описании базовых стратегий реализации функциональной модели дискурсивно-мелодийного психотерапевтического воздействия, основанной на идеях деятельностного подхода к психике (М.Я. Басов, М.М. Бахтин, Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Н.И. Жинкин, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Соколов, Г.Г. Шпет) в рамках складывающегося направления «*психологии действия*» [3, с. 78], встал вопрос о целесообразности и необходимости координирования, соотнесения и приведения в соответствие наиболее значимых типов стратегий взаимодействия участников мелодийной психотерапевтической интеракции с набором типовых тактических приёмов (тактик) или «терапевтических вмешательств» как определённого вида действий (реакций, практик) со стороны инициатора (автора / консультанта) и адресата (пациента / клиента), направленных на достижение промежуточных и конечных целей мелодийного терапевтического воздействия и способных коррелировать с описанными, но, безусловно, не конечными по списку стратегиями, чтобы в опоре на канонические и неканонические вербальные мифологемы духовного бытия человека (т. е. фундаментальные предикаты способа человеческого существования), зафиксированные в текстах коллективных молитв, духовных песнопений, духовных встреч и внедренные в концертные программы духовной музыки и песнопения, помогать людям изнутри как можно больше извлекать чувств, установок, посылов для своего духовного «перестраивания» [28].

Однако создание для этих целей и задач корреляционных рядов (типологии) тактик или техник, «терапевтических вмешательств» в указанном направлении является весьма непростой задачей. Трудности возникают уже на первом шаге, поскольку предложенный выбор стратегий мелодийного воздействия, направленный на выработку эффективного «соработничества» или «синергической регулятивной деятельности» [9; 22], требует не только более четкого определения функций и границ каждой из них, но также обуславливает и поиск более масштабного (вербально-музыкального, «материального», текстового) пространства мелодийной дискурсии, чтобы соотнести применение данной типологии стратегий с типологией возможных тактик как «терапевтических вмешательств» для изучения конкретных терапевтических интеракций (сеансов, встреч, программ, концертов, выступлений), определяя их эффективность для базовых (программных,

типовых или опорных) ступеней восхождения по Лестнице с целью своего духовного «перестраивания».

К этому следует добавить, что проблема построения указанной типологии тактик по реализации стратегий мелодийного воздействия осложняется наличием ряда ограничений, связанных, в том числе, с некоторыми терминологическими разночтениями, которые в своей основе обусловлены расхождениями в определении теоретических предпосылок при обозначении уже существующих в психотерапевтической практике техник. Этот факт, скорее всего, отражает в большей степени существующие традиции в практической деятельности психотерапевтов, психоаналитиков и консультантов. Так, большинство представителей психоаналитической традиции рассматривают свои «терапевтические вмешательства» не просто на уровне включения, а просто как «интерпретацию», а сторонники гештальттерапии, например, именуют такие же «вмешательства» «техникой эксперимента». В то же время последователи «роджерсианства» считают их «отражением».

Тем не менее, несмотря на существование терминологических разночтений, названные техники могут рассматриваться в качестве основных (базовых) терапевтических средств или тактик (практик, приёмов) в рамках указанных подходов, правда, далеко не единственных в имеющемся арсенале реального взаимодействия с клиентами [1; 4].

Понятно, что наличие в ряде случаев расхождений и расхождений в названиях одних и тех же техник приводит к определенным сложностям, особенно в плане сходства тех или иных дефиниционных признаков. В частности, если взять описание таких техник, как «*прояснение*», «*отражение*», «*перифразирование*», то можно легко обнаружить между ними больше сходства, чем различий. Очевидно, что такое положение дел не может не вносить дополнительных трудностей как в определении и очертании содержательных границ самих техник, так и в описании условий их стратегического применения в психотерапевтическом взаимодействии.

В этой связи целесообразно ещё раз вспомнить, что *стратегия* представляет собой совокупность поведенческих актов говорящей личности, разделенных во времени и пространстве, но направленных на создание определенного образа в своих собственных глазах или в глазах окружающих. *Тактика* или *техника* – это определенный прием, с помощью которого реализуется выбранная стратегия. Также напомним, что стратегия может включать в себя множество отдельных тактик, так как тактика или техника является кратковременным феноменом и направлена на создание желаемого результата (эффекта, впечатления) в конкретной психотерапевтической (жизненной) ситуации [9, с. 103-104].

Поэтому со всей очевидностью возникает объективная необходимость и потребность в систематическом рассмотрении уже нашедших применение (т.е. существующих) в практической работе техник («терапевтических вмешательств») или психотерапевтических коммуникативных тактик, чтобы зафиксировать соответствие их тематических пространств функциональному предназначению ранее выделенным стратегиям и попытаться определить их возможности быть эффективным инструментом для анализа мелодийного влияния в психотерапевтической коммуникации и прогностического воздействия на собеседника с целью духовного «перестраивания» и выработки своих личностных установок для продвижения («восхождения») по ступеням Лестницы.

Учитывая специфику эффективного применения технологического инструментария в мелодийно-терапевтической коммуникации, важно не упускать из виду, что процесс психотерапевтической интеракции – это комплекс взаимодействий, складывающийся из целого ряда включенных в него неоднородных комплексных образований, в котором отражаются не только коммуникативные практики исполнителя-консультанта и адресата но и их реакции. По этой причине создание «работающей» типологии такого технического (тактического) инструментария дает возможность изучения основного набора типовых тактик, чтобы попытаться категоризировать реакции инициатора (автора, консультанта, суггестора) и адресата (клиента, пациента, суггестанта), что, в свою очередь, позволит понять (описать) природу мелодийной суггестии и выйти на психотехнический анализ самого процесса мелодийного воздействия в психотерапевтической интеракции, специфику которого достаточно точно и ярко описал Дж. Р.Р. Толкиен в своём произведении «Властелин Колец»: «Вдруг зазвучал другой голос, негромкий и мелодичный. В нем было непередаваемое очарование. Слышавшие этот голос редко потом вспоминали сами слова, а если все же вспоминали, то удивлялись, ибо в словах этих не было никакой силы. Но голос доставлял наслаждение. Все произносимое им казалось мудрым, со всем хотелось согласиться. Любой другой голос по сравнению с этим казался хриплым, всякие другие речи неразумными; а если кто-то осмеливался возражать, в сердцах у зачарованных слушателей вспыхивал гнев. Одного звучания этого голоса было достаточно, чтобы стать его рабом, и это колдовство жило в слушателях, даже когда они были уже далеко. Голос все шептал, приказывал, и они повиновались. Никто не мог слушать его без волнения, никто не мог противостоять его чарам. Устоять могла только твердейшая воля и устремленная мысль».

Понятно, что предпринимаемая попытка категоризации реакций участников мелодийного взаимодействия может оказаться недостаточно

плодотворной, если только при этом не опираться на такое условие (т. е. если не ввести такое ограничение), что к отдельным сторонам наблюдаемого поведения инициатора и адресата и отдельным деталям психотерапевтической мелодийной интеракции как разновидности ритуального взаимодействия можно относиться так же, как к словам и предложениям в языке или как к музыкальным пассажам. И тогда, как «в случае с обычным языком или обычным музыкальным исполнением, каждое отдельное “высказывание” будет возникать у человека в мозгу» и главная трудность будет состоять в том, чтобы определить, насколько «значение», передаваемое слушателю, «будет соответствовать тому, которое имел в виду его автор» [5, с. 9].

Обоснованием данному «превращению» может служить, по Э. Личу [5, с. 12], основной аргумент, состоящий в том, что «послания, которые мы получаем разными путями (с помощью осязания, зрения, слуха, обоняния, вкуса и т. д.), легко трансформируются в другие формы». Он пишет: «Так, мы способны отчетливо представлять себе то, что слышим в словах; мы можем переводить письменные тексты в устную речь; музыкант в состоянии превращать зримые знаки партитуры в движения рук, рта и пальцев. Очевидно, что на каком-то глубоко абстрактном уровне все наши разнообразные чувства кодируются одним и тем же способом. Там должно быть что-то вроде “логического” механизма, позволяющего нам трансформировать зрительные послания в звуковые, осязательные или обонятельные послания, и наоборот» [5, с. 12].

Однако выход на такой анализ связан с поисками ответов на целый ряд вопросов, среди которых наиболее приоритетными являются такие: Какими техниками (тактиками) может достигаться тот или иной стратегический (целевой) эффект? В каких случаях стратегическому (целевому) терапевтическому эффекту может соответствовать одна типовая техника (тактика), а когда необходим набор (комплекс) таких техник для выполнения соответствующей стратегической задачи? Как с точки зрения эффективности терапевтического мелодийного воздействия эти техники распределены (упорядочены) и на какой основе? Как между собой увязана функция и терапевтическая цель каждой из выделенных тактик (техник)? Чем измеряется эффективность терапевтического или антитерапевтического эффекта? Как увязано соотношение «стратегия – техника / тактика / практика» с активацией исцеляющих факторов в психотерапевтической интеракции? Как выбрать на разных этапах (или уровнях модели) интерактивного взаимодействия наиболее эффективные техники?

Приведенный перечень вопросов не является конечным, и его можно при желании расширить. Однако понятно, что и перечисленные вопросы легко увязываются с ответом на основной вопрос: Какова

функциональная природа корреляции между стратегической целью мелодийной психотерапевтической интеракции и её тактической (технической) реализацией и насколько возможна такая корреляция для качественного анализа психотерапевтического взаимодействия?

При описании условий реализации психотерапевтической модели мелодийного воздействия был выделен ряд стратегий [14; 21], которые способствуют эффективному взаимодействию между участниками психотерапевтической коммуникации. В частности, отмечалось, что выделенная стратегия - **1** (*развитие личного творчества в виде основополагающей ценности*) направлена на исключаящую возможность адресата как когнитивного субъекта к стремлению самооправдания, выработки иллюзии собственной правоты, расширению чувств, переориентации на собственную творческую эффективность и нового, «свежего» (упрощенного) взгляда на имеющиеся проблемы [2].

Реальность психотерапевтической коммуникации позволяет выделить набор существующих в психотерапевтической практике описаний техник (тактик), которые можно использовать в психотерапевтической интеракции для реализации указанной стратегии - **1**.

1. Набор техник, используемых для реализации **стратегии - 1**, может включать в себя ряд наиболее общих терапевтических вмешательств, а именно техник «*вопроса*», «*отражения чувств*», «*прояснения чувств*», «*прояснения*», «*самораскрытия*», «*суммирования*».

1.1. Несмотря на определенную частотность применения техники «*вопроса*» для реализации указанной стратегии - **1**, важно в первоочередном порядке выделить обобщенную технику «*самораскрытие*», которая в психотерапевтической интеракции демонстрирует собеседникам и, главным образом, клиенту-адресату способность обмена друг с другом собственным опытом для осознания и оценки возникших проблем. При этом акцент делается на *разделение* с собеседником собственного (авторского) опыта в виде предоставления информации о себе, о событиях из собственной жизни, а также на непосредственное выражение отношения с клиентом, испытывающим определенные чувства, желания, возникающие идеи или фантазии, которыми он хочет поделиться, чтобы осознать и оценить свои проблемы.

Как правило, в психотерапевтической практике техника самораскрытия вербально маркируется «*Я – конструкциями*», которые чаще всего начинаются с личного местоимения «*Я*». В функционально-семантическом плане использование указанных конструкций предполагает достаточно рискованное разделение с адресатом

(клиентом) как своего собственного внутреннего мира, так собственного внутреннего мира собеседника (подробнее о «Я - конструкциях», «Я - фразах», а также «перформативных», «действенно-побуждающих выражениях» и их роли в профессиональной коммуникации см.: [10, с. 56-59; 11, с. 56-60; 19, с. 48-52; 20, с. 96-99]).

В определенном смысле использование таких «действенно-побуждающих выражений» для раскрытия своего личного опыта можно рассматривать как моделирование, как своеобразную подсказку ответного раскрытия клиентом его переживаний, как его ответный «шаг» в цепочке взаимных интерактивных действий-откликов. Реальная практическая значимость такого «шага» таится в демонстрации того, что, самораскрываясь, инициатор показывает и предлагает своему собеседнику сформировать «личностный уровень» их отношений, идентифицируя себя не только в роли профессионала, но и в роли обыкновенного человека, способного оказаться в такой же ситуации, что и клиент, и которому можно всецело доверять.

Однако нужно иметь в виду, что перед тем как использовать технику «самораскрытие», инициатору необходимо задаться вопросом об уместности такого самораскрытия, а именно получить для себя ответ на вопрос: Удовлетворение чьих потребностей является причиной самораскрытия? И если все же инициатор принимает решение использовать технику самораскрытия, то в любом случае такое психологическое вторжение должно ограничиваться какими-то пределами и ограничениями, чтобы не перегружать своего адресата (клиента).

К этому следует также добавить, что самораскрытие в психотерапевтической интеракции таит опасность в смене коммуникативных ролей. Прежде всего это касается роли инициатора-консультанта, который делится своими собственными проблемами с адресатом и тем самым рискует подорвать веру клиента в то, что тот получит помощь от обыкновенного человека, а не от профессионала. Поэтому, чтобы не подрывать эту веру собеседника, инициатор может использовать наименее рискованный вариант самораскрытия, а именно: сообщить, например, партнеру по интеракции (клиенту) о своём затруднении в понимании. Такое признание не вызывает подозрений и возражений со стороны клиента, так как нередко тот говорит очень путано, сбиваясь на детали и их повторы. В данном случае психотерапевты-практики рекомендуют сообщать своему клиенту о трудности в понимании, используя для этих целей «Я – конструкции», например: *«Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду»* или *«Я сомневаюсь, что вы могли это сделать»*. После такого признания можно попросить своего собеседника описать что-либо еще раз или предложить ему выразить им сказанное другими словами, например: *«Я*

попрошу вас описать ваши чувства другими словами» или «Не могли бы вы описать ваши чувства другими словами?»).

Очевидно, что во время мелодийного воздействия психотехника «самораскрытия» может затрагивать или включать как чувства адресата, так и чувства самого инициатора - исполнителя. Ср.:

Благовецение святое – День великий на Руси;

С ним ты чувство молодое В чёрством сердце воскреси.

Отзовись душой, как юность, Грудью полною своей

На сияющую радость, На улыбу вешних дней.

Помимо этого, техника «самораскрытие» может включать описания событий из библейских сюжетов, а также сюжеты обыденных сценариев жизни или из жизни самого исполнителя-консультанта, схожие с проблемами партнёра. Например:

В этот праздник, выйдя к полю – С горстью, полного зерна,

Добродушно птиц на волю – Выпускала старина.

Приближенье дней пасхальных – Проясняет хмурый взгляд.

Из сторонки чуждедалних – В гости ласточки летят.

Важно подчеркнуть, что техника самораскрытия как глубинного «терапевтического вмешательства» в личностное пространство адресата может широко использоваться не только в мелодийной психотерапии, но и в других психотерапевтических практиках с учётом чувственно-эмоционального аспекта, например в беседах. Понятно, что в этом случае вербальные (дискурсивные) практики будут принципиально отличаться от практики мелодийной дискурсии, например: *Если бы я узнал об этом, меня бы это очень удивило (разозлило, опечалило, смутило)* или: *Если бы это произошло со мной, я чувствовал бы себя некомфортно.*

1.2. Особое значение в мелодийной психотерапевтической практике реализации стратегии -1 отводится использованию общей техники «*вопрос*» - одной из наиболее распространенных в психотерапевтической интеракции техник, функционирующих для каузации (причинения, побуждения в виде приглашения о чем-либо рассказать, собрать и аккумулировать интересующую участников мелодийного взаимодействия информации с целью уточнения и интерпретации опыта собеседника, выработки его установки для того, чтобы оценить его готовности (физические, нравственные, духовные) к поэтапному восхождению по ступеням Лествицы.

Психотерапевтическая техника «*вопроса*» является необходимым и важным звеном в реализации стратегических задач мелодийного воздействия и способов передачи информативного тематического пространства и не только для стратегии - 1. Выступая в виде вопросно-ответного комплекса, названная психотехника выполняет в практике психотерапевтической интеракции (общения), как правило, две

важнейшие функции, когда при помощи вопросно-ответного комплекса производится *а)* фиксация и выражение развития знаний о внешнем мире (познавательная функция) в целом и *б)* осуществляется целенаправленная передача знаний и представлений от одного человека к другому человеку (коммуникативная функция).

Рассматриваемая психотерапевтическая техника «вопроса» реализуется в виде неразрывного в функционально-семантическом плане комплекса, состоящего из вопросительных и ответных действия, которые представляют собой две противоположности единого целого: вопрос есть инициированное «обращение» в форме речевого действия, требующее ответа, а ответ, в свою очередь, есть речевое реактивное действие в форме высказываний или суждений, вызванное вопросом. Поэтому использование в мелодийном взаимодействии описываемой психотехники являет собой отражение своеобразного мелодийного ритмического рисунка, состоящего из вопросов и ответов.

Примечательно, что комплексное (как орнаментальное, так убеждающее) мелодийное воздействие интересуется роль вопросно-ответного комплекса с точки зрения эффективности влияния на собеседника в профессиональной интеракции, где вопросы обладают сильным активизирующим воздействием на аудиторию, заостряя внимание слушателей, пробуждая в них чувство инициативы и создавая условия для коллективного размышления [10; 11; 14, с. 40; 29, с. 125-155]. Действительно, значимость воздействующего фактора вопросно-ответного комплекса в мелодийной интеракции чрезвычайно велика, ибо, по замечанию историка и философа Р. Коллингвуда, свод знания состоит не из отдельных «предложений», «высказываний», «суждений» или других актов утвердительного мышления и того, что ими утверждается. «Знание состоит из всего этого, вместе взятого, *и вопросов*, на которые оно дает *ответы*».

Нужно признать, что в мелодийной интеракции роль техники «вопроса» важна, так как именно вопрос способен придавать мелодийному взаимодействию строгое направление. Благодаря вопросам отдельные дискурсивные действия отвечающего обретают смысл, а оказавшись за рамками вопросов (в случае ответов наугад или невпопад, например), они его теряют. С помощью вопроса выражается стремление к устранению сомнения, колебания, неопределенности в знании и получению нового, более полного и точного знания, а также стремление к более отчетливому пониманию некоторого положения дел, целевых устремлений или мыслей собеседника.

В отличие от описательных и нарративных конструкций, закрепляющих знания и выражающих отношение к ним со стороны инициатора, вопросительные дискурсивные действия фиксируют различного рода потребности, которые возникают в ходе

психотерапевтического взаимодействия по различному поводу и постановка которых связана с различными трудностями и противоречиями в практике психотерапевтического взаимодействия.

Естественным средством выражения и синтаксического оформления вопроса выступает вопросительная конструкция в виде предложения (высказывания, суждения, реплики, «шага» или действия), хотя, строго говоря, между вопросом и манифестационной формой его реализации в речевом общении (вопросительное предложение, высказывание, суждение и т. п.) не существует взаимооднозначного соответствия. В частности, из работ по языкознанию известно, что достаточно большая группа вопросительных предложений практически не содержит в себе значения вопроса. К этой группе относятся прежде всего так называемые *риторические вопросы*, которые обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения к ответу, а выражают обыкновенные суждения. Например, в вопросительном предложении *«И какой я руководитель?»* содержится утверждение, что человек, о котором идет речь, либо вообще не является руководителем, либо он все же является таковым, однако, по оценке говорящего, достаточно плохим руководителем, но вовсе не вопрос.

Кроме названных риторических вопросов, есть также и другие вопросительные конструкции, которые, не требуя прямого ответа, вместе с тем не содержат и открытого сообщения. Они используются в психотерапевтической коммуникации (мелодийном общении) чаще всего для выражения этикетных («дипломатичных») речевых действий, таких, как просьбы или предложения, побуждения, угрожающих запретов и угроз, а также увещевания как разновидности укора или призыва. Ср., например: побуждение, просьба или предложение: *«Не хотите ли подробнее рассказать об этом?»*; *«Откройте душу для добра – Коль Вами совесть не забыта»*; *«Откройте душу для добра – Хотя б на миг приотворите»*, запрет - *«Соблюдая праздник строго, – В этот день твердит народ, Что и птишка хвалит Бога – И гнезда себе не вьёт»*; *«Может быть, лучше не говорить об этом?»*, – угрожающий запрет: *«Давайте подробнее! Что за недомолвки?»*; *«Ну какая может быть месть? Гонения – честь. Гонений надо ещё сподобиться. Гонит нас на небеса Богородица»* – или скрытая угроза - *«Разве нельзя вести себя тише?»*, увещеваний как разновидности призыва: *«Ребята, не Москва ль за нами?»*; *«Великим Своим заступлением – Гнев Божий от нас отврати, – Идущих путём заблуждений – На истинный путь обрати»*.

Примечательно, что вопрос может быть выражен не только вышеупомянутыми вопросительными конструкциями. Так, например, для описания определенных (мифологических) историй нередко

используются незаконченные предложения, таблицы с незаполненными местами, множества ответов и т.д., которые, в сущности, являются вопросами, ср.: *«Ничто чистоты девства не нарушит. – У доброго пастыря профиль пастуший, - не отступает от него присутствия Божия скиния»*; *«Как в море тоски обывательской - не растеряться мне? Стирай мирское и легко стираемое, запечатляй печати и помазания граалевы!»*

В общем виде логическую структуру вопроса можно представить таким образом: **а)** в нем обозначено представление, хотя и весьма неопределенное, искомого или «запрашиваемого»; **б)** в нем имеется некоторое знание в виде предпосылок; **в)** в нем содержится требование перехода от незнания (непонимания) к знанию (пониманию), от данного к искомому. Например, задавая вопрос *«Кто первым рассказал тебе эту историю?»*, инициатор ставит задачу перед адресатом, чтобы он указал неизвестное для говорящего имя человека, который первым рассказал пациенту историю.

Однако здесь следует допустить оговорку в том плане, что искомое в вопросе не является абсолютно неизвестным. Просто искомое выступает в виде неполного, незавершенного, неопределенного знания, имеющего нередко категориальный (архетипический), т.е. предельно обобщенный, характер. Требуя дополнительную информацию о том, кто конкретно первым рассказал адресату историю, инициатор направляет свой поиск таким путем, чтобы он был в первую очередь ограничен именами людей, окружавших собеседника в этот отрезок жизни. Направление такого поиска как раз и задается наличием вопросительного местоимения *«кто»*. Однако вектор направления поиска искомой информации могут указывать не только личные местоимения, но и обычные вопросительные слова, например: *«Ну зачем писать и складывать в ящик - 140 страничек пропащих?»*; *«Зачем было бессмысленно посещать планету? – Чтобы окунуться в очередную программу Интернета?»*

На это обратил внимание известный русский лингвист А.М. Пешковский, подчеркивая следующее: *«Когда мы спрашиваем, кто или что, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а одна чистая предметность»* [7, с. 73].

Кстати сказать, такой категориальный характер имеют и другие вопросительные местоимения и наречия. Так, например, местоимение *«какой»* употребляется для обозначения свойств или состояний, наречия *«когда»*, *«где»*, *«сколько»*, *«зачем»*, *«почему»* обозначают соответственно время, место, количество, цель, причину. Более того, в

хорошо сформулированном вопросе можно найти точное указание на категорию или множество, к которому относится искомое, потому что оно является необходимой его частью.

Поэтому можно считать, что в вопросе наличествует весьма определенное знание. Если вернуться к вопросу «*Кто первым рассказал тебе эту историю?*», то при помощи его не только что-то спрашивается, но и сообщается, а именно: существовал такой человек, который впервые рассказал адресату такое, на что он отреагировал. Больше того, в этом вопросе можно также найти неявное утверждение того, что не всякого человека можно считать первым, кто поведал адресату конкретную и интересную для него историю.

Предшествующее знание, содержащееся в вопросе, составляет его логические предпосылки (ср. в логике понятие «презумпция»), нередко именуемые в лингвистической семантике пресуппозициями. Важно отметить, что пресуппозиции или предпосылки в явной (эксплицитной) или скрытой (имплицитной) форме обладают исходной информацией, которой, однако, недостаточно для разрешения указанного поиска. Здесь важно иметь в виду, что пресуппозиции или предпосылки лишь направляют поиск ответа и определяют его смысловое содержание [8].

Немаловажно также отметить и то, что вопрос является требованием для собеседников (своеобразным императивом, прескрипцией или предписанием) найти, сообщить или уточнить в психотерапевтическом взаимодействии некоторые сведения, неизвестное. И в этом плане вопрос выступает как продукт осознания разности между имеющимся и должным уровнями знаний по конкретному предмету, событию или явлению и потребности в устранении этой разности.

Существует возможность классифицировать вопросы по различным основаниям. Так, например, по степени выраженности в речевых конструкциях вопросы могут быть *явными* (эксплицитными) или *скрытыми* (имплицитными). *Явный вопрос* выражается полностью в языковой форме вместе со своими предпосылками и требованием установить неизвестное. *Скрытый вопрос* выражается лишь своими предпосылками, а требование устранить неизвестное восстанавливается после осмысления адресатом предпосылок вопроса. Например, услышав от инициатора фразы: «*Ну какая может быть месь? Гонения – честь. Гонений надо ещё сподобиться. Гонит нас на небеса Богородица*» или «*Любящий Боже, где-то путь подытожен. 155-й 'ненадписанный' написан псалом. – В гонениях я одно со Христом*», – адресат не обнаружит в них явно сформулированных вопросов. Но при осмыслении полученной информации у адресата невольно возникает желание спросить: «*Почему именно "гонений нужно сподобиться"*» или

Почему «я в гонениях одно со Христом»?». Больше того, могут возникнуть и другие вопросы, особенно если адресату хочется узнать, что означает «155-й ненадписанный» псалом и в чём заключается смысл сказанного? Таким образом, очевидно, что упакованная в определенной языковой форме информация содержит скрытые вопросы.

В структурно-манифестационном (конструктивном) плане вопросы подразделяются на *простые и сложные*. В противоположность сложному вопросу простой не может быть расчленен на элементарные вопросы. Как правило, любой сложный вопрос образуется из простых с помощью союзов «и», «или», «если, то» и др. Например: «Где же я и Кто же я? – Гонят по земле человека Божия, Нет у него ни адресата, ни паспорта, - ходит надвое поделенный, сораспятый»; или: «Какая, впрочем, лучшая крыша, чем покров Отца нашего Всевышнего»? Заметим также, что прежде чем отвечать на сложный вопрос, целесообразно разбить его на простые вопросы.

При декодировании сложных вопросов важно иметь в виду, что смысл союзов, образующих сложные вопросы, не тождествен смыслу соответствующих союзов, например, в логике высказываний, где они выступают в роли функторов, образующих сложные истинные или ложные высказывания из простых истинных или ложных высказываний [10]. А вопросы сами по себе не бывают истинными или ложными, так как они могут быть правильно или неправильно поставленными. Иначе говоря, вопросы могут быть только корректными или некорректными.

Среди простых вопросов различают также *открытые и закрытые вопросы*. Открытые вопросы не связывают отвечающего адресата строгими рамками и позволяют дать ответы в (любой) свободной и непринужденной форме. Однако в силу такой «свободы» ответа указанная разновидность вопросов нередко обладает неоднозначным смыслом. Примерами *открытых вопросов* являются обычные вопросы в экзаменационных билетах. В частности, к такому же типу относятся и вопросы: «И ходить нельзя в церковь, что ли? – Земля – мощи, а не крематорий»; «Где ты, техника запсихотроненная? – И что магия церковного плагиата против 200 миллионов Солнечного Триумвирата?»

При постановке открытых вопросов в процессе психотерапевтического мелодийного взаимодействия следует учитывать тот факт, что они, как правило, характеризуются значительной неопределенностью в своих требованиях к структуре и содержанию ответов и предоставляют отвечающему адресату возможности для ответного «маневра», дополнения изложенного материала новой информацией.

Закрытый вопрос, напротив, строго лимитирует отвечающего адресата, ставит его в жесткие условия информационного и

тематического пространства и требует точного, определенного ответа в виде одного-единственного повествовательного (утвердительно) предложения / высказывания. Такая специфика постановки закрытых вопросов достигается путем четкого указания со стороны инициатора на категорию (множество), к которой принадлежит ответ (искомый «объект», предмет), и поэтому хотя бы в общих чертах уже известно, что требует инициатор, ставя такого рода вопросы. Ср.: *«И опять крах, пустота, запредельное одиночество. – Неужели брань никогда не кончится?»*

По способу запроса неизвестного выделяются также два основных вида вопросов. Для *вопросов первого вида* (их часто называют еще *вопросами к решению*) характерно то, что подтверждающий ответ или его отрицание является элементом структуры самого вопроса. И с точки зрения композиционно-манифестационного оформления самой вопросительной конструкции они находятся непосредственно под вопросительным знаком. Постановка таких вопросов уже сама по себе исчерпывает совокупность всех возможностей, среди которых и следует искать ответ. Так, например, постановка вопроса: *«И опять крах, пустота, запредельное одиночество – Неужели брань никогда не кончится?»*; *«Зачем, скажите, Франциску полис медицинский?»* – предполагает лишь две возможности ответов – либо «да», либо «нет». Попутно следует заметить, что вопросы подобного рода называются *дихотомическими*. Необходимо, однако, признать, что в ряде других случаев таких возможностей для ответов может быть и больше, как, например, при постановке вопросов: *«Что у вас – парастас? Заказ?»*; *«А вы кто, кто вы? – Буквоеды? Начетчики Слова или зомби?»*; также: *«Вы воспринимаете это лучше утром, днем или вечером?»*.

Вопросы второго вида (так называемые *«вопросы к дополнению»*) характеризуются тем, что в них намечена лишь только схема ответа, которая именуется *основой вопроса*. Здесь необходимо подчеркнуть, что основу вопроса не следует смешивать с логической предпосылкой вопроса. Специфика конструктивного оформления самих вопросительных фраз такова, что в нем возможные ответы не содержатся непосредственно под вопросительным знаком, и поэтому точно неизвестно, сколько таких ответов может быть вообще. Рассмотрим, например, следующие вопросительные конструкции: *«Что у вас – заказ?»* и *«Что если город завтра накроет атомной боеголовкой? – Что тогда идеалы твои и кумиры? – Какой прозорливый!?»*

В основе первого вопроса лежит повествовательная схема утверждения, что «у нас имеется X (т.е. заказ)», а в основе второго вопроса также заложена повествовательная схема утверждения, что «при атомном ударе не будут иметься (существовать) ни X (идеалы), ни

У (кумиры)». Механизм превращения основы вопроса в ответ достаточно прост: основа вопроса превращается в ответ только при подстановке вместо переменной *X*, называемой неизвестной компонентой вопроса, имен (простых и сложных), обозначающих предметы в соответствующей предметной области, которые указаны на схеме утверждения. Эта предметная область называется областью *неизвестной составляющей* вопроса. В разговорном языке она выделяется вопросительными словами или частицами. Граница области неизвестной составляющей является границей вопроса, которая и отделяет его от других разновидностей вопросов.

Говоря о маркировке неизвестной составляющей вопроса, следует иметь в виду, что вопросительные местоимения и наречия не всегда верно передают исходный смысл вопроса, точно и однозначно устанавливая границы области его неизвестной составляющей. Совершенно очевидно, что такое положение дел может отрицательно сказываться на понимании или интерпретации инициированного вопроса со стороны адресата. Например, интерпретируя вопросы: *«Никому сегодня искусство не нужно? – Стал человек из внутреннего наружным?»*, можно предполагать совершенно различные области неизвестной составляющей вопроса, что, безусловно, скажется на характере психотерапевтического взаимодействия, потому что разными для адресата будут подставляемые виды и разновидности предполагаемых искусств (кино, живопись, пение) и, кроме того, для каждой разновидности искусства у людей (*«внутренних»* или *«наружных»*) будет существовать различная степень восприятия того или иного вида искусства.

Поэтому тот, кто ставит вопрос второго вида, всегда должен быть готовым – в соответствии с требованиями адресата – к его коррекции. Во многих случаях такая операция возможна на основе разбиения вопроса второго вида на соответствующие вопросы первого вида. Так, полученный от инициатора вопрос *«Ну где же прячется в человеке сокровище – духовное сердце всех даров стоящее?»* адресат может уточнить, заменив его определенной цепочкой простых вопросов типа: *«В душе у человека прячется сокровище – Духовное сердце всех даров стоящее?»*; *«В вере у человека прячется сокровище – Духовное сердце всех даров стоящее?»*; *«В молитве у человека прячется сокровище – Духовное сердце всех даров стоящее?»* и т.п., перечисляя все известные ему человеческие сферы хранения «духовного сердца».

В количественном плане можно различать *общие и частные вопросы*. Например, вопрос о закономерностях экономического развития отдельного района является частным по отношению к вопросу о закономерностях экономического развития страны или мира. При этом уяснение общего вопроса всегда необходимо для рассмотрения

частного вопроса, потому что решение частных вопросов возможно только на фоне решений общих вопросов.

По отношению к цели мелодийного психотерапевтического взаимодействия и воздействия вопросы могут быть подразделены на *узловые (тематические) и наводящие*. Вопрос является узловым, если верный ответ на него служит непосредственно раскрытию темы психотерапевтического общения. Наводящим является вопрос, если верный ответ каким-то образом подготавливает или приближает собеседников к пониманию узлового вопроса, которое, в свою очередь, оказывается зависящим от освещения наводящих вопросов. Однако важно иметь в виду, что четкой границы между узловыми и наводящими вопросами нет.

Углубление проблемы, поднятой в вопросе, может осуществляться за счет детализации действующих факторов, актуальности тех или иных задач, что приводит собеседников мелодийного взаимодействия к более определенным целям и, следовательно, к формулировке более конкретных и точных вопросов, постепенно приобретающих «закрытый» характер, ср.: *«Как в море тоски обывательской не растеряться мне?»* Поскольку переход от открытых вопросов к закрытым, замена вопросов к дополнению на вопросы к решению выполняет уточняющую функцию в риторическом взаимодействии, то формулируемые при этом вопросы носят *уточняющий* характер. Не следует забывать, что процедура перехода от общих вопросов к частным является разновидностью конкретизации.

Участнику мелодийного психотерапевтического взаимодействия также следует помнить, что порядок постановки вопросов меняется при изложении материала, особенно в случаях объяснения, разъяснения или убеждения, когда вопрос, выступающий в начале инициативной фазы мелодийного взаимодействия как отправной, раскрывается в последнюю очередь, а охватываемые им закрытые вопросы выполняют роль наводящих вопросов или «тематического навигатора». Последние приближают говорящего инициатора к конечной цели – освещению темы, зафиксированной в узловом отправном вопросе. Более того, благодаря четкой и ясной формулировке закрытых наводящих вопросов, становится отчетливее исходное намерение автора, а узловой отправной вопрос, раскрываемый через содержание наводящих, также приобретает «закрытый» характер. Поэтому один и тот же вопрос может быть уточняющим или наводящим – в зависимости от того, на каком этапе риторического взаимодействия и в какой ситуации он используется.

Ограничение и уточнение вопроса, превращение его в закрытый может быть произведено путем прямого указания на те подвопросы, которые не будут освещаться инициатором в рамках непосредственного тематического пространства. Например, рассуждая перед

подчиненными о сложившемся моральном климате в мире, инициатор может сразу же ограничить тематическое пространство своего сообщения, указав, что вопросы о браке и семье его интересуют сейчас в первую очередь, а вот вопрос о выборе профессии он сегодня не будет обсуждать.

По характеру психотерапевтического воздействия вопросы могут подразделяться на *творческие и нетворческие*. Нахождение ответа на нетворческий вопрос «*Что такое альтруизм?*» обычно не представляет трудности для адресата, так как он уже ему практически либо известен, либо его можно легко отыскать путем обращения к справочной литературе. Ответ на творческий вопрос отыскивается опосредствованным путем, требует умственного напряжения и может сопровождаться выработкой и использованием новых, пока неизвестных знаний и методов. Методически правильное использование творческих вопросов дает, как правило, воздействующий эффект соучастия слушателей в обсуждении предмета разговора, делает их не только объектами, но и субъектами процесса мелодийной терапии.

В зависимости от того, достаточно или недостаточно наличных знаний адресата для получения ответов на творческие вопросы, последние можно подразделить на *задачи и проблемы*. Решить вопрос, выступающий перед адресатом как задача, значит, используя его знания, логическим (или практическим) путем получить то, что требуется вопросом, – ответ. Решить вопрос, выступающий как проблема, значит, прежде всего, дополнить знания адресата необходимыми сведениями, сведя ее к задаче, и затем решить эту задачу.

Изложение решения некоторой задачи всегда представляет собой дедуктивный процесс, при котором ответ на нее логически следует из ее условий, а знание, получаемое в ответе, не может быть более общим, чем знание, заложенное в условиях задачи. Поэтому не случайно, что, приводя аргументы и отвечая на вопросы в психотерапевтической интеракции, собеседники (и инициатор, и адресат) широко используют тактические приемы дедукции, когда решение различного рода задач обязательно сопровождается обширным иллюстративным материалом, содержащим примерные или аналогичные решения проблем и задач, которые используются не столько в качестве иллюстрации тех или иных положений, сколько составляют органическую часть процесса изложения.

Из формальной логики известно, что при решении проблем можно опираться не только на дедуктивные способы, но и на индуктивные, особенно в тех случаях, когда необходима интерпретация речевых действий с имплицитным потенциалом мелодийного воздействия. Но чаще всего используются индуктивные выводы,

особенно на начальной (интродуктивной) стадии мелодийного взаимодействия, для того чтобы «разведать» коммуникативные позиции и личностные установки своего собеседника. И только впоследствии в действие вступают редукции и аналогии, хотя они по своей эффективности психотерапевтического воздействия не способны еще снять проблемный характер намечающегося (перспективного) ответа. Дедукция эффективна на заключительном этапе разрешения проблемы, после того как партнеры найдут все недостающие данные, позволяющие обосновать ответ как достоверное знание, соответствующее сценарию психотерапевтической интеракции (общения). Таким образом, в мелодийном взаимодействии проблема может стать (и становится) возникающей, или «созревающей» задачей, а задача становится, в свою очередь, «вырожденной» проблемой.

Изложение тематической информации и соответствующих аргументов, увязанных с ходом разрешения проблемы, с рассмотрением перипетий, встречающихся на его пути, является определенным терапевтическим приемом тактического порядка в так называемом проблемном методе решения практических задач, который эффективно «работает» в общении при выработке кодекса доверия и симпатии к собеседнику, а также является действенным средством повышения интереса слушателей к рассматриваемой теме, активизации их внимания и умственной работы.

Таким образом, в мелодийном психотерапевтическом взаимодействии с помощью техник вопроса можно *а)* направить процесс передачи информации в русло, соответствующее планам и пожеланиям любого из участников взаимодействия, *б)* перехватить и удержать инициативу в интеракции, *в)* активизировать партнера с тем, чтобы перейти к гораздо более целесообразному с точки зрения передачи информации и типового сценария развитию интерактивного процесса, *г)* дать возможность собеседнику проявить себя, показать, что и сколько он знает о предмете и теме разговора, для того чтобы он самостоятельно или при помощи регулятивного воздействия предоставил нужную для темы общения информацию.

Используя вопросы в качестве тактических приемов (техник) мелодийного взаимодействия, нельзя забывать, что большинство людей по многим причинам неохотно отвечают на прямые вопросы из-за боязни передачи неправильных сведений, недостаточного знания предмета, деловых и морально-этических ограничений, сдержанности, трудностей в изложении и т.п. Поэтому прежде чем использовать технику постановки вопросов в мелодийной терапии, необходимо сначала вызвать интерес у собеседника к самому вопросу, т.е. объяснить ему, почему именно ответы на поставленные вопросы в его интересах. Более того, целесообразно также объяснить, почему именно инициатора

интересует тот или иной факт и каким образом он намерен использовать полученную от адресата информацию. Уяснение этого момента практически необходимо, потому что любой собеседник по психотерапевтической интеракции обязательно спросит себя: «Почему они хотят это узнать от меня? Почему их это интересует именно сейчас?».

Коммуникативная эффективность использования техник постановки вопросов в психотерапевтическом мелодийном взаимодействии зависит главным образом от типовых характеристик самих вопросов и функциональных условий их применения в реальном общении. Поэтому, зная обусловленную взаимосвязь между вопросом и ответом, нетрудно сформулировать функциональные условия, которым должен удовлетворять правильно поставленный вопрос.

О взаимной логической обусловленности вопроса и ответа известно достаточно давно, по крайней мере еще с античных времен, с описания Плутархом бесед Александра Македонского с взятыми в плен индийскими философами, один из которых, остроумно отвечая на вопросы полководца, заметил, что мудреные вопросы имеют столь же мудреные ответы. Позже эту мысль повторил философ И. Кант, подчеркивая, что «умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума и проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то кроме стыда для спрашивающего, он имеет иногда тот недостаток, что побуждает неосторожного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище».

Поэтому *первое требование* к постановке всякого вопроса в мелодийной практике психотерапии заключается в том, что он должен быть разумным, т.е. имеющим смысл. Важнейшим условием выполнения этого требования является соблюдение как синтаксических, так и семантических правил того языка (и даже подязыка, например научной речи), на котором вопрос выражается. Важно иметь в виду, что вопрос, который представляется разумным и «правильным» в рамках одного «языка» («язык» молодежи, «язык» моряков и т.п.), может оказаться неразумным в рамках другого «языка», и наоборот.

Разнообразие правил, в соответствии с которыми можно было строить выражения разговорной речи, позволяет «нестрого» подходить и к вопросительным конструкциям, отчего в языке вопросы могут выражаться самыми разнообразными способами, а именно: предположениями различных грамматических форм, именами, и даже с помощью контекста речевой ситуации. Подвижность грамматических правил и «размытость» семантико-синтаксических предписаний относительно образования и преобразования языковых выражений может порождать трудности в выделении четких конструктивных форм

и распознавании смысла вопросов, что зачастую вынуждает прежде всего ориентироваться в психотерапевтической беседе на интуицию.

Вопрос теряет смысл, если он ставится вне контекста сценарного фрейма типовой темы беседы. Он может оказывать даже резко отрицательное воздействие на его ход, сбивать с толку участников диалога и, в конечном итоге, разрушить его, сделать беспредметным или направить психотерапевтическую беседу по иному пути. С точки зрения функциональной прагматики такие вопросы обладают преднамеренно-обструктивным характером.

Второе требование к правильной постановке вопроса в психотерапевтическом общении сводится к его ясности. Ясность наряду с осмысленностью определяет понимание вопроса. Следовательно, прагматически неграмотно браться за обсуждение проблемы и тем более за её решение, если не ясен сам вопрос.

Специфика психотерапевтического взаимодействия проводит различие в ясности вопроса для инициатора-исполнителя, который этот вопрос ставит, и для адресата, призванного на него отвечать. Нередко оказывается в психотерапевтическом воздействии, что вопрос, ясный для спрашивающего, не ясен для отвечающего. Для спрашивающего вопрос ясен в том случае, если *а)* он знает значения входящих в этот вопрос терминов (слов) и высказываний, *б)* используемые им выражения имеют смысл и *в)* их преобразования строятся в соответствии с принятыми в данном языке синтаксическими нормами.

Тот или иной термин, например, окажется предельно ясным и понятным, если спрашивающий с определенностью может сказать, как понятие этого предмета в тезаурусе адресата коррелирует с другими понятиями пограничной области. Безусловно, нужно отдавать себе отчет в том, что такой предел вряд ли достигим. И даже при незначительной неясности значение используемого термина (слова) остается все равно частично неизвестным. Чтобы выяснить его значение, адресат нередко «переводит» сам термин на «язык» спрашивающего с помощью уточняющих вопросов: «Что это такое?»; «Что это значит?»; «Как это понимать?».

Ответ, полученный адресатом на поставленные выше вопросы, означает, что теперь ему известно, чего хочет спрашивающий. Правда, здесь участников мелолийной психотерапии может подстерегать определенная «языковая ловушка», так как опасность неясности резко возрастает, если инициатор вопроса будет использовать многозначные и нечеткие, «расплывчатые» выражения, которые имеют более одного истолкования (интерпретации). Ими могут быть отдельные слова, группы слов и даже целые высказывания (предложения).

Примером двусмысленной постановки вопроса может служить вопрос «*Сколько написано литургий – для серафических иерархий?*», на

который можно дать как положительный, так и отрицательный ответ в зависимости от того, как понимать «*серафические иерарх'ии*». Если исходить из того, что «*серафиты*» (в отличие от адамитов) – люди будущего времени, то на этот вопрос может быть дано несколько ответов. Но если рассматривать его в словосочетании «*серафические иерарх'ии*», то становится понятным, что речь идет о небесных соборах мироточивых, обожженных, ангельские иерархии иного миропомáзания и тогда появляется возможность примерного ответа на этот вопрос: сколько *иерарх'ий* – столько и литургий.

Различного рода недомолвки, скрытые нарушения требований синтаксиса языка, допускаемые при формулировке вопросов, препятствуют достижению их ясности. Сравните в этой связи известное выражение - «Казнить нельзя миловать». Различные недомолвки и нарушения могут также выступать источниками возникающих у слушателей уточняющих вопросов.

Форма вопроса, его языковая «упаковка» также влияет на его понимание. Широко известен опыт немецкого психолога К. Дункера, который предложил студентам придумать способы лечения рака внутренних органов посредством рентгеновских лучей. Одну группу студентов он спросил: «Как можно было бы не допустить, чтобы лучи причиняли вред здоровым тканям?». Второй группе он поставил тот же вопрос в такой форме: «Как можно было бы сделать так, чтобы здоровые ткани не были разрушены лучами?». Единственное различие формулировок состояло в том, что в первом случае благодаря выбору действительного залога ударение было поставлено на слове «*лучи*», во втором благодаря страдательной конструкции – на слове «*ткани*». Но этого было достаточно, чтобы в первой группе преобладающее число обратило внимание в своих ответах на то, чтобы что-то сделать с лучами, тогда как во второй группе большинство полагало необходимым сделать что-нибудь с тканями.

Особо следует отметить влияние интонации на ясность понимания вопроса. При помощи вопросительной интонации инициатор регулирует степень суггестивного (внушающего) воздействия. Эксперименты в области теоретической фонетики показали, что для интонации вопроса (если он выражается вопросительным предложением) характерно повышение тона в конце предложения, т.е. наиболее типичной вопросительной интонацией является восходящая интонация: «Ты мне веришь?».

Другие виды интонации, которые встречаются в вопросительных интонациях – нисходящая, восходяще-нисходящая, имеют дополнительные оттенки, вряд ли позволяющие называть заключенные в этих предложениях мысли «чистыми» вопросами. Они выражают различного рода модальные значения – уверенности или неуверенности,

доверия или недоверия и т.д. Нисходящая интонация, например, придает вопросительному предложению наиболее сильный эмоционально-экспрессивный оттенок.

В зависимости от интонации вопросительное предложение передает специфическую личную «пережитость» мыслимого содержания и в связи с этим обладает большей или меньшей суггестией. Отмечено, что «спокойное» вопросительное предложение, предназначенное для сообщения именно вопроса, а не какого-то другого вербального действия (просьбы, призыва, запрещения, побуждения, утверждения и т.д.), маркируется восходящей интонацией. В мелодийном взаимодействии и воздействии также целесообразно учитывать данное обстоятельство при постановке вопросов.

Важным условием ясности вопроса является интерес спрашивающего о имеющемся у адресата предпосылочном (пресуппозиционном) знании, на котором этот вопрос строится. Так, вопрос «*Кто же Он? Персонифицированный некто?*» может показаться на первый взгляд странным, потому что адресату совершенно неясно, о чем в нем говорится и какую информацию хочет найти спрашивающий. Адресату непременно потребуется уточнение относительно того, что имеет в виду инициатор вопроса: реального или мифологического персонажа и почему интонационно выделяется местоимение *Он?* Необходимо учитывать, что в мелодийном психотерапевтическом воздействии, как правило, каждый вопрос содержит в себе значительно больше того, что непосредственно стоит за его языковой формой. Однако если этот вопрос рассмотреть в следующем контексте, то тогда многое сможет проясниться для адресата: *Кто же Он? Персонифицированный некто?*

Отстаивающих лучей совершенный рефлексор?

Христос и Богоматерь – два безущербных зеркала

В замке чистой любви – перламутровая Зала,

жемчужины мира...».

Следующее – *третье* – требование к постановке вопроса заключается в истинности его предпосылок. Вопрос, как правило, опирается на множество разнообразных предпосылок, аккумулирующих ранее полученную и усвоенную информацию. В мелодическом взаимодействии следует прежде всего различать позитивную предпосылку, информирующую о том, что существует по крайней мере один истинный прямой ответ на данный вопрос. Она может быть представлена как дизъюнктивная матрица «или ..., или», где отражается только один истинный ответ. Так, вопросу «*Кто же Он? Персонифицированный некто?*» предполагается целый ряд предпосылок, например: **а)** существовал или существует этот *некто* (позитивная предпосылка), **б)** этот «некто» мыслится как человек (предпосылка,

ограничивающая неизвестность тематической области вопроса), **в**) существовал / существует такой *некто*, которого можно персонифицировать, а значит и каким-то образом идентифицировать и т.д. (предпосылка о существовании искомой информации в текстовом содержании вопроса), **г**) что служит идентификационными признаками указанного *некто* (предпосылка, зафиксированная в содержании вопроса: «*Персонифицированный некто*»), **д**) в качестве такого идентификационного признака выступает иконический образ Христа (предпосылка в содержании контекста: «*Отстаивающих лучей совершенный рефлектор*», т. е. Лучистый Образ света Истины).

Участвуя в мелодийном взаимодействии, партнеры по терапевтической коммуникации исходят из того, что они хотя бы частично доверяют друг другу и принимают за истинные высказывания своего собеседника, т. е. вступают во взаимодействие с «определенным кодексом доверия друг к другу» (о термине «кодекс доверия» подробнее см.: [9]). Иначе трудно было бы представить синергичное («сорботническое», «согласованное», «регулятивное») мелодийное взаимодействие. В психологической литературе отмечается, что при восприятии вопросов люди бывают особенно не критичными и не всегда склонны ставить под сомнение предпосылки направленных вопросов. Однако такие предпосылки иногда бывают ложными, и это их свойство достаточно часто, охотно, хитроумно и тщательно скрывается выразительными средствами языка. Совершенно понятно, что такие вопросы используются в терапевтическом взаимодействии (главным образом вербальном общении) с провокационными целями. Чаще всего они употребляются в качестве технического приема (техники), чтобы скрыть истинное содержание вопроса.

В интерактивной практике существует опыт обнаружения таких вопросов и путей к нахождению достойных ответов на них. Оказывается, провокационные вопросы содержат в себе погрешности под названием «ошибки многих вопросов». Суть таких погрешностей состоит в том, что выдвигается требование ответить на некоторый вопрос, минуя предварительное решение других вопросов. Следуя этому требованию, отвечающий адресат ставит себя в затруднительное, а иногда и в глупое положение. Подобных затруднений можно избежать, если воссоздать опущенный предварительный вопрос: «*Действительно ли это так?*», и тогда внимание участников психотерапевтического общения будет сконцентрировано совершенно на ином.

Правда, существует ряд вопросов, которые имеют негативные предпосылки и для которых любой прямой ответ является истинным. Следовательно, эти вопросы не имеют ложных ответов и основываются на ложных негативных предпосылках. Например, «*Какие четные числа*

делятся на 2?». Такой вопрос заключает в себе ложное убеждение в том, что существуют такие четные числа, которые не делятся на 2. Вопрос с ложной предпосылкой не может быть корректным, хотя и может считаться таковым, если ложность предпосылки неизвестна.

Четвертое требование к результирующему (эффективному) мелодийному воздействию сводится к конкретности обсуждаемых вопросов. При неконкретной их формулировке мелодийное взаимодействие приобретает схоластический, беспредметный (абстрактный) характер. Такие вопросы не приближают, а, пожалуй, наоборот, отдаляют от истинного понимания обсуждаемых вещей, потому что, как утверждает диалектическая логика, абстрактной истины нет и истина всегда конкретна, даже в случае верования. Поэтому поиск истины с помощью абстрактно сформулированных вопросов бесплоден и не приводит к результирующему эффекту. Например, можно спросить: «Вреден или полезен дождь?» и, как ни покажется странным, любой прямой ответ на него будет верным, но только с учетом условий, места, времени и т.д. Очевидно, что для молодых посевов он полезен, а при уборке урожая – вреден. Стало быть, без конкретизации такого рода вопросы не могут быть предметом продуктивного обсуждения.

Таким образом, используя техническую практику «вопрос» в мелодийной психотерапии, важно не забывать о бытующем изречении «каков вопрос, таков и ответ», которое нередко оказывается справедливым и эта справедливость не исчерпывается только выделенными выше правилами постановки корректных вопросов. Ответы имеют также свою функционально-семантическую специфику, которую необходимо учитывать при осуществлении мелодийного воздействия.

1.3. При реализации стратегии - 1 в практике мелодийной психотерапии очень близкими к технике «вопроса по функционально-семантическому предназначению» оказываются такие терапевтические вмешательства, как «*прояснение*» (в том числе и его разновидности в виде техник «*прояснение чувств*», «*отражение чувств*») и «*суммирование*» или «*суммарное отражение чувств*».

В функциональном плане психотерапевтическая техника «*прояснение*» представляет собой, как правило, возвращение в более сжатой и ясной форме к сути когнитивного содержания высказывания клиента для того, чтобы автор-инициатор мог осуществить сверку правильности своего понимания ответной реакции адресата (в виде сообщения, какого-то эмоционального отклика, невербального действия и т.п.). Очевидно, что техника «*прояснения*» заключается в сверке партнерами восприятий информационных «следов» друг друга по мелодийной интеракции. Для клиента-адресата такая сверка необходима для более точного понимания своего собственного внутреннего мира и

для перспективного осмысления своих взаимодействий с внешним миром. Для автора-инициатора реализация техники «прояснение» также важна, так как в зависимости от адресатной реакции он может корректировать в процессе прояснения и свои собственные действия с учетом реакций адресата.

Психотерапевтическая техника прояснения интересна мелодийной психотерапии и тем, что она помогает точнее фокусировать проблему взаимодействия между партнерами по терапевтической коммуникации, формируя её границы и конкретизируя её наиболее чувствительные моменты («болевые» точки). Вспомним еще раз сказанное Э. Личем о том, что «в случае с обычным языком или обычным музыкальным исполнением каждое отдельное «высказывание» возникает у человека в мозгу, и главная трудность состоит в том, чтобы определить, насколько «значение», передаваемое слушателю, соответствует тому, которое имел в виду его автор», что «послания, которые мы получаем разными путями (с помощью осязания, зрения, слуха, обоняния, вкуса и т. д.), легко трансформируются в другие формы. Человек способен отчетливо представлять себе то, что слышит в словах; он также может переводить письменные тексты в устную речь. Музыкант в состоянии превращать зримые знаки партитуры в движения рук, рта и пальцев. Очевидно, что на каком-то глубоко абстрактном уровне все наши разнообразные чувства кодируются одним и тем же способом. Там должно быть что-то вроде «логического» механизма, позволяющего нам трансформировать зрительные послания в звуковые, осязательные или обонятельные послания, и наоборот» [5, с. 9, 12].

В результате те значимые для психотерапевтической интеракции тематические моменты, которые выражались в косвенных вопросах и уклончивых ответах по поводу событий, поступков, позиции, оценок, недоговоренностях и недомолвках, могут быть рельефно обозначены, высвечены, обговорены и, наконец, отграничены от посторонних и смежных тем. Результативность применения такой психотехники маркируется поведением клиента-адресата, когда «клиенты реагируют на успешное прояснение удивлением или интеллектуальным удовлетворением» (Э. Бибринг). К этому можно добавить, что психотехника «прояснение» позволяет клиенту-собеседнику как бы взглянуть на свои чувства, мысли, черты характера, на реакцию собеседника или окружения со стороны, что помогает четче осознать свои трудности, точнее оценить свои возможности, реалистичнее относиться к своим запросам и своей позиции. В конечном итоге адресат-клиент начинает чувствовать и осознавать, что имеющиеся у него трудности преодолимы, им можно сопротивляться, с ними можно

бороться и можно себя не идентифицировать с ними, а отдаляться от них.

Кстати сказать, возникающие у клиента-собеседника неясности могут быть сняты при помощи проясняющих или дополняющих вопросов: *«Правильно ли я Вас понял, что ....?»*; *«Что вы имеете в виду, когда говорите о ...?»*; *«Насколько я вас понял, вы считаете, что ....?»*; *«Иначе говоря / Другими словами, вы думаете, что ...?»*; *«Вы можете поправить меня, если я вдруг упустил из виду, что ....»*. Очевидно, что постановка проясняющих и наводящих вопросов может коррелировать с техникой «формулировка альтернатив», когда собеседнику предлагается реакция на ту или иную жизненную ситуацию с экспликацией своей модальности диспозиции-Я. И хотя количество модальностей диспозиции-Я может быть значительно или они могут меняться относительно реакций на одну и ту же жизненную ситуацию, автору-инициатору целесообразно предоставить своему собеседнику несколько альтернативных образцов, чтобы точнее выразить свои ощущения, мысли, чувства. Например: *«Иначе говоря, увидев это, вы удивились, расстроились или не обратили внимание?»*.

1.4. Техники *«отражение чувств»* / *«прояснение чувств»* являются важными терапевтическими вмешательствами при реализации стратегии - 1 в процессе мелодийной интеракции, поскольку, по М. Маклюэну [6, с. 342], «расширение любого чувства изменяет образ нашего мышления и деятельности – нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди» (ср. также значимость указанных техник в лингвоэкологической коммуникации см.: [23]).

Обычно технику *«отражение чувств»* увязывают с *«отзеркаливанием»* вербально или невербально выраженных собеседником-клиентом эмоций с их последующей словесной номинацией, чтобы на основе отреагирования осмыслить их значимость для собеседника. Примечательно, что форма и характер выражения чувств со стороны собеседника (т. е. диспозиции модальности его Я) может касаться произошедших в прошлом, переживаемых в настоящем или предполагаемых в будущем эмоциональных (аффицированных) моментов его жизнедеятельности.

Прагматическое предназначение означенной техники – поощрение прямого выражения чувств, чтобы помочь клиенту-собеседнику теснее контактировать с инициатором взаимодействия и полнее в эмоциональном плане обозначить то, что он хочет высказать и выразить в данный момент, научить его доверять своим чувствам и относиться к ним как источнику значимой для себя информации. Здесь нет особой нужды говорить о значении и значимости эмоциональной составляющей в коммуникативном взаимодействии и аффицированного

состояния собеседника, его «затронутости» чувствами, так как хорошо известно, что эмоции способствуют раскрытию содержания внутренних реакций человека, пониманию тонкостей его восприятия, оценок, переживания и поведения в целом. Понятно, что отражение чувств может вскрывать причины конкретных поступков, манифестировать и экспонировать конкретные потребности и побуждения, желания и мотивы поведения (о разграничении понятий эмотивного, аффективного и аффицированного см.: [12; 16, с. 33-41; 17; 22, с. 29-30; 24]).

Однако кажущаяся простота «отзеркаливания» чувств собеседника на практике может столкнуться с градацией аффицированности конкретной диспозиции модальности Я собеседника, что влечёт за собой необходимый учёт и выбор конкретных элементов аффективного содержания конкретной диспозиции модальности Я собеседника, чтобы при помощи эмпатии выявить какой из элементов нуждается в «отзеркаливании».

Но неточность в отражении каких-либо элементов аффективного (аффицированного) содержания конкретной диспозиции модальности Я может породить негативный эффект, если, например, использовать эту технику в заключительной фазе интеракции или же по причине непроработанности инициатором «интенсивной глубины» переживания чувств собеседника, когда для «отзеркаливания» выбирается не значимый для данного момента элемент аффицированного содержания в диспозиции модальности Я адресата. Негативный эффект может также проявиться и тогда, когда инициатор будет находиться в ожидании, чтобы остановиться и ловить момент для «отражения чувств» своего клиента-собеседника.

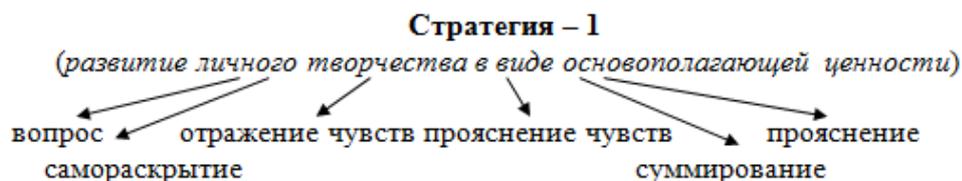
При этом нужно иметь в виду, что инициатор-консультант всегда готов прервать своего собеседника, чтобы не пропустить значимые проявления чувств собеседника, выделить их и сфокусироваться на них, не впадая в крайность частых остановок и прерываний собеседника в интерактивном процессе, а также подсказок и завершений фраз вместо него. Тем не менее, инициатор-консультант должен заранее готовиться к таким прерываниям, потому что нередко они обусловлены ситуацией понимания сути сообщений (дискурсивных практик) собеседника и разграничения в них нарративно-фактуального описания представления такой ситуации и субъективной (чувственной, аффицированной) реакции на неё клиентом. В этой связи инициатору интеракции полезно использовать готовые формулы-клише, включающие в свою структуру предикаты чувствования, например: «*Вы чувствовали, что ..... потому что...*»; «*Вы так чувствовали ....., потому что ...*»; «*Вы поступили таким образом, ...потому что почувствовали*». Здесь важную роль играет точное обозначение эмоции, её интенсивность (семантическое градуирование) и указание на причину, которая её вызывает.

Ошибочно выбранное наименование интенсивности эмоционального состояния собеседника как «интенсивной глубины слова», по Бальтасару Грассиану, разнящихся по своему семантическому объёму в своей интенсивности (ср., например, у агрессии: *раздражение, злость, гнев, ярость*), может неадекватно отражать эмоциональное состояние собеседника и ввести в заблуждение самого инициатора относительно выбора базового (главного, основного) содержания в нарративных сообщениях адресата [12]. Однако различие в номинации уровней глубины («интенсивности») переживания может помочь инициатору в интерактивном общении, когда он может варьировать свой выбор – от поверхностного уровня до более глубинного уровня, отражая с использованием различных по семантике номинаций ту же самую аффицированность и нащупывая (определяя, устанавливая) тем самым приемлемую интенсивность, чтобы не опережать естественный ход процесса переживания.

К выделенному разряду психотерапевтических вмешательств непосредственного отражения чувств также можно также отнести технику «*суммарное отражение чувств*», которая, если исходить из семантики её определения, вбирает в себя аффективное (и аффицированное) содержание целого фрагмента, отрезка или даже всей беседы, а не только последней или какой-либо отдельной вербальной фразы-практики собеседника.

Применение в мелодийной интеракции техники «*суммарное отражение чувств*» способно связывать воедино выраженные ранее в различных проявлениях (высказываниях) чувства адресата в виде какой-либо фреймо-образующей практики или структурированного в определенной последовательности паттерна. Сведение инициатором ранее выраженных чувственных переживаний адресата к определенной последовательности может оказать ему помощь как в определении эмоционального спектра выражения чувств, так и в выборе изменения интенсивности высказанного какого-либо одного аффекта или в фиксации (выделении) последовательной смены одних чувств на другие. Ср.: *«Где же я? Кто же я? Гонят по земле человека Божия, Нет у него ни адреса, ни паспорта, Ходит на́двое поделенный, сораспятый. Так и столкнулись мы то ли лбами, то ли отелями, С родовыми программами запредельными»*. Или: *«Не ори птичка-душа, остервенело, в когтях коршуна-Люцефера. Ходи тропкою нехоженой, прощай и обóживай»*.

Общая схема соотношения стратегии - 1 и техник её реализации выглядит следующим образом:

Список литературы

1. Айви А., Айви М., Саймэн-Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия. М.: Психотерапевтический колледж, 1999. 487 с.
2. Бауман Э. Текущая современность: пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Зинченко В.П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 73–84.
4. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М: Академический проект, 1999. 240 с.
5. Лич. Э.Р. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии: пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с.
6. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. Сб. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 341–349.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Русский язык, 1956. 320 с.
8. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб: дис. ... канд. филол. наук. Калинин: КГУ, 1982. 168 с.
9. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
10. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: Факультет, 1995. 238 с.
11. Романов А.А. Управленческая коммуникация. Тверь: Центр подготовки персонала АО Тверьэнерго, 1996. 240 с.
12. Романов А.А. Эмотивный «заряд» мелолийной проповеди в медийных условиях // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. научн. трудов, посвященный 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградск. научн. изд-во, 2013. С. 236–246.
13. Романов А.А. Мелолийный дискурс в социальной коммуникации // Журнал практического психолога: научно-практический журнал. Спец. выпуск: Текст как субъект понимания. 2013а, № 3. С. 146–168.
14. Романов А.А. Стратегическая разновидность мелолийного воздействия в психотерапевтической коммуникации // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2014. № 3. С. 29 – 52.
15. Романов А.А. Регулятивные принципы программной реализации психотерапевтической модели дискурсивно-мелолийного воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. 2014а. № 4. С. 1–7. URL: <http://tverlingua.ru>

16. Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 11. С. 33–41.
17. Романов А.А., Малышева Е.В. Вербальная и тактильная системы как комплексный фреймовый композит // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. 2014. № 1. С. 1–14. URL: <http://tverlingua.ru>
18. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: Ин-т языкознания РАН, ТГСХА, 2006. 144 с.
19. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Когнитивная основа психотерапевтической коммуникации: синергетический подход // Актуальные проблемы психологии труда. Тверь: ТвГУ, 2006. Т. 3. С. 57–63.
20. Романов А.А., Романова Л.А. Музыкальная проповедь как мелодистический дискурс // Язык – Когниция – Социум: мат. докл. Международ. конф. Минск: МГЛУ, 2012. С. 58–60.
21. Романова А.А., Романова Л.А. Мелодийный дискурс как «горячее» средство коммуникации // Функциональная лингвистика: сб. научных работ Крымского республиканского института преддипломного педагогического образования. Симферополь. 2013. № 5. С. 351–352.
22. Романов А.А., Романова Л.А. Роль эмоционально - прагматического компонента в структуре взаимодействующего механизма информационного послания мелодийной проповеди // Континуальность и дискретность в языке и речи: матер. IV международ. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2013а. С. 29–30.
23. Романов А.А., Романова Л.А., Малышева Е.В. Лингвоэкология как разновидность синергийной парадигмы: предметная сфера, дискурсивные практики и эвристические ресурсы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: Коллект. монография / Науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2013. С. 227–243.
24. Романов А.А., Романова Л.А. Речезанровая специфика эмоциогенного фактора вербальной агрессии // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. 2014. № 2. С. 12–23. URL: <http://tverlingua.ru>
25. Романов А.А., Ульянич Г.А. Дискурсивная природа музыкальной проповеди // Проблемы совершения образовательного процесса в вузе в связи с переходом на новые образовательные стандарты: сб. науч.-метод. тр. по матер. XXII Всерос. науч.-метод. конф. Тверь: ТГСХА, 2012. С. 166–169.
26. Романов А.А., Ульянич Г.А. Синергийные основы музыкальной проповеди как духовной практики // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2012а. № 22. С. 281–291.
27. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТИПЛиМК, 2014. 163 с.

28. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. Москва: Лилия, 1999. 128 с.
29. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика: уч. для студентов высших учебных заведений по экономическим специальностям. М.: Лилия, 2001. 216 с.

TACTIC REALIZATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN MELOLIVE PSYCHOTHERAPY

(The first article)

A.A. Romanov

Tver State Agricultural Academy

The article deals with the tactic realization of communicative strategies in melolive psychotherapy. Author concludes that the application in melolive interaction of technique "total reflection of feelings" is able to bind together the previously expressed in different forms (statements) of addressee's feelings as a frame-forming practices.

Keywords: *communicative strategies, melolive psychotherapy, interaction, tactic, addressee*

Об авторе:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (170904, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7), e-mail: romanov_tgsha@mail.ru